

дать, с такой услужливой готовностью, чтобы сделать несхожее схожим, ибо дружба укрепляется и сохраняется там, где добрая воля очевидна. Поэтому я, считая себя человеком менее достойным, нежели эта дама, и видя, что я ею облагодетельствован, решил превознести ее в меру моих способностей, которые сами по себе хотя и не могут равняться с ее способностью облагодетельствовать меня, тем не менее обнаруживают мою готовность; ведь, будь я способен на большее, я и сделал бы большее; таким образом, мои возможности уподобляются возможностям этой благородной дамы. Третье соображение было подсказано мне предусмотрительностью: как говорит Бозций, «недостаточно видеть только то, что перед глазами», то есть только настоящее, и потому-то нам и дана предусмотрительность, которая видит дальше, видит то, что может случиться. Я хочу сказать, что подумал о том, как многие мои потомки, возможно, обвинят меня в легкомыслии, услышав, что я изменил своей первой любви; поэтому, дабы отвести от себя этот укор, нельзя было придумать ничего лучшего, как объяснить, что за дама заставила меня изменить первой любви. Очевидное превосходство этой дамы позволяет оценить степень ее добродетели; поняв же ее величайшую добродетель, можно предположить, что всякая душевная стойкость бессильна перед ней и потому не следует судить меня за легкомыслие и непостоянство. И вот я решил восславить эту даму, и если не так, как она того заслуживает, то, во всяком случае, настолько, насколько это было в моих силах, и начал словами: «Амор красноречиво говорит...»

Канцона эта состоит из трех основных частей. Первая занимает первую строфу, в которой произносятся вступительные слова. Вторая включает в себя следующие три строфы, содержащие похвалу благородной даме; причем первая из этих трех строф начинается словами: «Светило, обходя небес простор...» Пятая, и последняя, строфа образует третью часть, в которой я, обращаясь к канцоне, рассеиваю некоторые ее сомнения. Эти три части и следует обсудить по порядку.

II.

Итак, обращаясь к первой части, которая была задумана как вступление к настоящей канцоне, я говорю, что ее надлежит разделить на три части. В первой речь идет о непередаваемости, свойственной данной теме; во второй, начинающейся словами: «И то, что разум видит как сквозь сон...» – повествуется о моей неспособности дать ей совершенное раскрытие; наконец, я прошу извинить меня за эту мою неспособность, в которой винить меня не следует: «И если есть порок в моих стихах...»

Итак, текст гласит: «Амор красноречиво говорит...»; здесь прежде всего следует рассмотреть, кто этот говорящий и каково то место, где он, по моим словам, говорит. Любовь в истинном значении и понимании этого слова есть не что иное, как духовное единение души и любимого ею предмета; к этом единению душа по своей природе начинает стремиться рано или поздно в зависимости от того, свободна ли она или связана. Причиной этой природной склонности может служить следующее: каждая субстанциальная форма происходит от своей первопричины, каковая есть Бог, как написано в книге «О причинах», но не она, будучи предельно простой, определяет различия этих форм, а вторичные причины и та материя, в которую Бог нисходит. Недаром в той же книге, когда речь идет о влиянии Божественных благ, написано: «Блага и дары становятся различными от участия предмета, их приемлющего». Поэтому, так как каждое действие зависит от своей причины – как говорит Альпетрагий, когда он утверждает, что все имеющее своей причиной круглое тело должно так или иначе быть круглым, – каждая форма должна так или иначе быть сопричастной Божественной природе: и не то чтобы Божественная природа была распределена и передавалась отдельным формам, но они ей сопричастны примерно так же, как отдельные звезды сопричастны природе Солнца. И чем форма благороднее, тем больше вмещает она от этой Божественной природы; поэтому человеческая душа, которая есть самая благородная форма из всех рождаемых под этим небом, получает от Божественной природы больше, чем любая другая. А так как желание быть в Боге в высшей степени отвечает природе, ибо согласно тому, что мы читаем в вышеупомянутой книге, «первое – это бытие, и прежде его не было ничего», – человеческая душа, естественно, со всей страстью стремится к бытию; а так как ее бытие зависит от Бога и Им сохраняется, она, естественно, желает и хочет единения с Богом, дабы укрепить свое бытие. А коль скоро в благах природы и разума обнаруживается бла-